Гимн дворняжке

Юрий Маркович Нагибин

SHOUT
SHARE
IT

- Юрий Нагибин

Юрий Нагибин

•

Гимн дворняжке

Рассказ

Знаменитый словарь Даля не нашел для определения дворовой собаки (дворняжки) тех метких и точных слов, которыми обычно пользуется, и прибегнул к методу отрицания: это не комнатная, не чабанья, не гончая, не борзая. А вот два утверждения: живущая во дворе, сторожевая. Если уж пользоваться отрицаниями, то следует добавить: не легавая, не норная, не ездовая, не ищейка, не водолаз и т. д. Но почему «не комнатная»? Дворняжки отлично чувствуют себя в домашних условиях (пустили бы только!), предпочитая уют и тепло жилья промозглой сырости дворового пребывания; а есть собаки, которые органически не терпят четырех стен, скажем, гренландская, ей нипочем любой мороз, а в доме она задыхается. Да и вообще, собаки в богатой природной шубе предпочитают двор дому, чего никак не скажешь о дворняжке. К настоящим сторожевым, таким, как овчарка или недавно появившаяся русская сторожевая, дворняжку тоже не отнесешь. Она, скорее, сигнальщик, пронзительным лаем оповестит о злоумышленнике, но в бой с ним не вступит.

Знаменитый словарь Брокгауза и Ефрона после многоречивых рассуждений о неясности происхождения семейства собачьих, уделяет внимание лишь породистым собакам: охотничьим, сторожевым и комнатным, в том числе «дамским». Живым игрушкам оказано предпочтение перед беспородной несметью. Ну, а мы будем говорить только об этих изгоях собачьего племени.

Дворняжки (на Западе их называют «перекресток дорог») — это живой укор человеческой неблагодарности и жестокосердию. В незапамятные времена дикое существо: волк, шакал или лисица, или общий их предок, или кто-то нам вовсе неведомый — дало приучить себя человеку. Так появилось новое домашнее животное, и было оно дворнягой, ибо не имело породы. Чего только не делало оно для своего хозяина, считая его другом: сторожило жилье, приглядывало за детьми и скотом, ходило на охоту, защищало его от диких зверей, нередко ценою жизни. А потом человек, уже достаточно изощрившийся во всех делах своих, стал отбирать из дворовых собак таких, в которых могли

развиться в наивысшей степени нужные ему свойства. Так возникли охотничьи, сторожевые и комнатные — услада доисторических дам — собаки. Дальше — больше, этот селекционер-самоучка сумел из охотничьих собак вывести гончих, легавых, борзых, норных, «придумал» собак-поисковиков, собак-ищеек, водолазов, ездовых…

И, видимо, ценя вложенные в них усилия, стал только к ним относиться с бережью и заботой. А обойденных вниманием высокомерно запрезирал и выгнал из дома. Дворняжкам не возбранялось жить возле человека, но без права на ответное внимание, а тем паче заботу. Конечно, никто не мешал доброй хозяйке бросить кость голодному псу, но в целом дворняжкам надо было рассчитывать только на себя самих. Они стали париями в мироустройстве своего бога. Случалось, дворняжки с голодного отчаяния сбивались в стаи, уходили в лес, дичали, становясь опасными для былого кумира. Тогда их беспощадно истребляли. Мне говорили в Австралии, что динго не дикая, а одичавшая собака, то есть вернувшаяся от очага назад в природу. Но это все исключения, а в общем преданный человеку народ дворняжек смирился со своим незнатным положением и не ожесточил сердца

Каждая порода обладает двумя-тремя очевидными признаками: пудели ласковы, игривы, сенбернары добры, флегматичны, овчарка подчинена чувству долга, доберманы сухи, нервны, малоконтактны, бультерьеры свирепы, таксы уживчивы и при этом внутренне независимы, эрдельтерьеры — вечные щенки, неуправляемые, восторженные и любящие, борзые — печаль и томление в четырех стенах, восторг движения на просторе и т. д.

Дворняжек так не определишь. В них превалирует индивидуальность над тем общим, что дает порода. Поэтому они непредсказуемы. Общее — лишь преданность дому, который не гонит их прочь. И рефлекторный страх перед агрессивным жестом. Сделайте вид, что вы нагнулись за камнем, породистый пес ухом не поведет, а дворняжка метнется прочь, поджав хвост. Она вернется, станет вновь облаивать вас, кидаться, защищая доверенное ее надзору, но первая реакция необорима, ибо возникает из родовой памяти — страха.

Собаки одной породы похожи друг на дружку и внешне, и внутренне. Дворняжки многообразны: большие и маленькие, мохнатые и гладкошерстые, прямоногие и криволапые, порой в них проглядывает «благородная» кровь сеттера, пойнтера, овчарки, таксы, пуделя, а порой при всем желании не вычислишь предков; столь же разнообразны дворняжьи характеры, богатые игрою и глубиной чувств. Трудная жизнь, непрестанная борьба за

существование наделили дворняжку необычайной пластичностью, умением применяться к любым обстоятельствам, угадывать характер и намерения двуногих богов. Когда говорят, что в собаках есть зачаток душевной жизни, а не только инстинкт, то, на мой взгляд, это в первую очередь относится к дворняжке. Породистые собаки как бы запрограммированы, суть дворняжки в постоянном движении. И они необычайно умны. Зачем пойнтеру ум, ему достаточно хорошо делать стойку, зачем ум борзой — ей хватит быстрых ног, и декоративный дог может обойтись малой каплей ума, а дворняжке, чтобы выжить, нужен недюжинный, изворотливый и тонкий ум. Это ее главное оружие в немилостивом, исполненном опасностей мире.

Как себя помню, рядом были собаки. Первая — фокстерьер Трильби, но эта изящная дама была так привязана к моей матери, что на всех остальных у нее не оставалось душевного времени. Моим собственным псом стал сменивший Трильби Джек, дворняга из дворняг, по случайному совпадению имевший в близких предках фокстерьера. Его голова казалась сколком с головы Трильби, только чуть грубее и массивней, и тот же черный «румянец» на щеках.

Джека я купил на Чистых прудах у мальчишек за сорок копеек — немалые по тем временам деньги. Это двадцать грушевых конфет, или сорок барбарисок, или восемьдесят прозрачных. Да, прозрачная стоила полкопейки, были смуглые монетки достоинством в один грошик.

Когда я принес Джека домой, мой друг и сосед по квартире Колька Поляков, разглядев с некоторой оторопью новосела, вынес вердикт:

— Джек собака редкой красоты!

У Джека было веретенообразное туловище, кривые, как у таксы, лапы, хвост бубликом и славная смышленая мордочка. Когда он подрос, то оказался на редкость кусачим. Я мог делать с ним что угодно: поднимать за задние лапы или за хвост — видел такие фокусы в цирке, — он сроду не огрызнулся. Столь же снисходителен он был ко всему населению нашей большой коммунальной квартиры, но чужаков кусал. И делал это как-то бессистемно: мог накинуться на старого гостя и не тронуть незнакомца, особенно не любил он уходящих. В этом был смысл: не выпускать проникшего в дом злоумышленника. Но за что он укусил мамину приятельницу балерину Оленину или старого нашего знакомого инженера Сбруева, не раз игравшего с ним, осталось тайной. Мудрые квартирные старухи уверяли, что это неспроста: Джек чует, когда человек приходит не с добром. Кто знает, может, они и правы…

Когда Джек в третий раз укусил ужасно боявшуюся его почтальоншу, к нам явился милиционер, чтобы забрать «носителя повышенной опасности». Я не успел разреветься, из своей комнаты выскочил, размахивая именным наганом, герой гражданской войны Данилыч и заорал:

— Катись отсюда! Мы за Жека грудью пойдем!

Милиционер счел за лучшее ретироваться.

Гулять Джека выпускали только в намордник, рассчитанном на дога, других в продаже не имелось. И без того длинный, Джек в этой штуке превращался в крокодила. Кусаться он не мог, что не мешало ему всякий раз ввязываться в драку с уличными псами. Домой он неизменно возвращался окровавленный, но в отличном настроении. Он шлялся по всей Москве, его встречали не только на Чистых прудах, Покровке и Мясницкой, но и на Театральной площади, Кузнецком мосту, Тверской. Собаки плохо переходят дорогу, уступая в этом искусстве не только виртуозам: свинье и гусю, но даже весьма посредственному пешеходу человеку. У Джека не было недоразумений с городским транспортом. В те годы свирепствовали собачники, но Джек был им не по зубам. Прошло сколько-то лет, и нам открылась причина и бесконечного шлянья, и кровавых драк Джека. Он был отъявленный донжуан. Вся окрестность наполнилась его потомством, весьма причудливого облика. В любви Джек был гурман, уделяя внимание лишь чистопородным дамам. По Армянскому, Сверчкову, Телеграфному, обоим Златоустинским ходили хортые с лапами таксы, бульдоги с мордой фокстерьера, спаниели с хвостом бубликом.

Исход Джека покрыт тайной. Мы переехали на новую квартиру в один из арбатских переулков. Десятилетний Джек не снизил кавалерственного рвения и в чужих пределах, проводя дни в драках и любви. Ходил слух, что он пал жертвой мести владельца болонки, которую он соблазнил…

Мы долго не заводили другого пса в надежде, что Джек вернется, а потом познакомились со странной молодой женщиной, у которой была странная собака по кличке Альфарка. Женщина эта часто плакала — от жалости ко всем несчастным на земле; стесняясь своего приятного лица, низко клонила голову; в темной комнате мужским глубоким басом читала есенинского «Пугачева». Пес являл собой несуществующий вид карликовой овчарки. Расцветка, строение тела, постав ушей, даже бородавочки на морде — все было овчарочье, лишь иногда подозрительно загибался хвост. Но ростом этот вполне сформировавшийся пес был с четырехмесячного щенка овчарки. Он любил сидеть столбиком на задних лапах и ходить на двух,

делая это по собственному желанию. Мы думали, он из цирка, а он был из клиники, где его, готовя к эксперименту, неудачно усыпили. Я никогда не знал подробностей этой истории, не желал их знать, но каким-то образом мертвый пес оказался на руках своей будущей хозяйки и ожил. Конечно, жалостливая, нежная, она и не думала дрессировать Альфарку, все свои трюки он принес то ли из первой жизни, то ли с того света. Понятливости он был невероятной. Однажды мама вынимала шпильки из прически, Альфарка заинтересованно следил за ее движениями.

— А ну, Альфарка, шпилечку!.. — сказала мама.

Он будто того и ждал: сразу вскочил на диван и ловко, осторожно вынул все оставшиеся шпильки. Он сразу избрал себе хозяином мою мать. С остальными он был мил и ласков, но маму боготворил. Он страдал, если кто-то прикасался к ней, даже просто близко подходил. Альфарка начинал жалобно поскуливать и пытался отодвинуть соперника лапой.

Вскоре после начала войны, когда в жизнь пришло много разных волнений и забот, мама, оставшаяся одна в доме, выпустила Альфарку на улицу. До этого его всегда кто-то выгуливал. Отсутствовал он очень долго, и мама не на шутку встревожилась. Тут она услышала, что в дверь кто-то толкнулся. Альфарка…

Она поспешила открыть. Это действительно был он — с парализованными задними лапами. Он перегрелся на солнце, и его хватил паралич. Так случается с овчарками. Он приполз умирать к родному порогу. Вызванный ветеринар ничего не мог поделать, лишь констатировал: солнечный удар.

Мы больше никогда не видели и бывшей хозяйки Альфарки. Она исчезла, быть может, он увел ее за собой в свою вторую и окончательную смерть?..

Дворняжки часто бывают похожи на породистых собак, и ничего не стоит распознать предков. А бывают ни на кого не похожи, я люблю таких больше. К ним принадлежала любимица нашего загородного поселка исчерна-черная маленькая прыгучая, как блоха, Вакса.

Вакса была матерью Мити, прожившего в нашем доме без малого шестнадцать лет.

У нас пропала старая-престарая карликовая такса Кузик, полуслепая, с седой мордочкой, с выкрошившимися зубками, словом, до конца изжившая свой земной образ. Конечно, она не потерялась, а ушла умереть в укромном месте. Хорошие породистые собаки так делают, если позволяют обстоятельства, чтобы не огорчать хозяев зрелищем своей смерти. Но мать и отчим не могли смириться с мыслью, что Кузика уже нет, и

развесили по всему поселку объявление: «Пропала маленькая черная собачка, нашедшим — вознаграждение». В один прекрасный день на участке появилась наша старая знакомая Вакса в сопровождении крошечного черного комочка, который даже не шел, а катился. «Вот, — сказал я своим старикам, ответ на ваше объявление». Они умилились, и щенок остался у нас. Он не заменил Кузика, никто на свете незаменим, но тоже стал любимцем дома.

Как потом выяснилось, в те же дни по такому точно подарку получили и другие жители нашего поселка: Твардовские, Яковлевы, Радунская. Вакса умно подобрала хозяев своим детям: в этих домах любили собак.

Сама Вакса бродила по поселку со стаей, предводителем которой был крупный, могучий пес Смелый, похожий на немецкую овчарку. Можно сказать, что Вакса со Смелым составляли семью. С любым, кто пытался посягнуть на Ваксу, вожак разделывался беспощадно. Веселая попрыгунья Вакса была любимицей поселка, но никому не удавалось ее приручить, она хотела быть в стае со своим повелителем. И вдруг семья новоселов посадила Ваксу на цепь. Это случилось в дни, когда явившиеся невесть откуда живодеры перестреляли стаю, в том числе Смелого. Мы решили, что Ваксу бог спас. Осенью хозяева Ваксы закрыли дачу и уехали в Москву, оставив тяжелую собаку на цепи.

Каким-то чудом Ваксе удалось освободиться от железной цепи. В положенный срок она произвела на свет четырех щенков и одного за другим пристроила в хорошие руки. Все они прожили долгую и счастливую жизнь.

О самой же Ваксе позаботилась покойная писательница Людмила Уварова. Опасаясь нового налета собачников, она увезла Ваксу в Москву и пристроила у своих друзей. У нее самой уже были собаки. Вакса отблагодарила за приют подвигом. В квартире находились только она и спящая старушка, когда на кухне загорелось. Вакса принялась будить старушку, но той снились какие-то сладкие сны и не хотелось скучной яви. Вакса не отставала: лаяла, тянула старушку за домашнюю туфлю. Все еще цепляясь за сон, старушка стала лягаться. Вакса вцепилась ей в подол и стянула старушку на пол. Та оклемалась, почуяла запах гари и вызвала пожарных. Вопреки обыкновению, мастера огненной потехи прибыли вовремя и спасли квартиру.

Митя унаследовал ум матери и смелость отца, но, подобно Барбье д'Оревильи, не умел подчинять свои страсти холодному рассудку. Он сразу возненавидел щеночка-эрделя, которого мы взяли в дом. Он покусал его, только что оторванного от теплого

материнского брюха. А ведь на молочных щенков собака никогда не покушается. Но Митя нарушил закон природы. Проученный, он, казалось, смирился с новоселом, а Проша полюбил его больше жизни, признав в нем «пахана». Эта любовь не растопила суровое сердце сына Смелого. Где-то я слышал, что дворняжка никогда не принимает подселенную породистую собаку. Но в обратной комбинации мир и дружба возможны.

Когда пришло лето, Митя что ни день стал заводить маленького ковылялу в далекие непролазные чащи и там бросать. Для этого он прогрыз щель в заборе, чего сроду не делал. Теперь каждое утро начиналось с истошного вопля: «Ушел Проша!» Нам и в голову не вспало, что это результат Митиного коварства. А четвероногий Сусанин, изображая крайнюю озабоченность, старательно искал Прошу по всему участку, в то время как пропавший исходил слезами и жалобным визгом в заросшем лопухами кювете или крапивной непролази. В конце концов мы догадались о Митиных кознях, отыскали и заделали лаз.

Затем наступило короткое перемирие. Дом попытались населить крысы, и Митя повел с ними беспощадную войну. Очевидно, у него были в роду крысоловы, потому что делал он это довольно ловко и даже стал учить Прошу крысиной охоте. Они отстояли дом от грызунов. Но с исчезновением внешнего врага началась междоусобица, принимавшая все более кровавый характер. Самые яростные схватки учинялись во время встречи приезжих из города. Правда, поначалу больше лилось крови разнимающих, но Проше тоже доставалось. Сам он не кусал пахана, которого давно уже обогнал ростом, но, забрав его загривок в пасть, прижимал к земле. Митя рычал, бился, исходя пеной злобы, — зрелище было тяжелое.

Бессильные предотвратить эти схватки, мы стали разводить псов: пока один гулял, другой находился в доме, пока один «смотрел телевизор», другого запирали в столовой. Здоровались с каждым по очереди. То была трудная жизнь и для собак, и для хозяев.

Копя ненависть к Проше, Митя все нежнее и трепетней относился к нам. Он словно хотел показать, что не от злого сердца кидается в бой, просто не хочет и не может делить с кем-либо нашу любовь. Как сказано у Жана Жироду: «Да, братик, это правда — любовь невеселая штука». Чувство дворняги к своим хозяевам несопоставимо с чувством породистых собак, у тех хоть что-то остается про запас, дворняга отдает себя полностью.

Я вспомнил о чудных существах, населявших в разное время мой дом, и еще раз убедился, что в дивном царстве собак привлекательнее всех отлученные от дворца.

Недаром же в здоровых странах дворняжки стали самыми популярными собаками. Можно сказать, что они вновь одомашнены. Их водят на поводке, зимой кутают в теплые попонки, они отмыты, расчесаны, шерсть шелково лоснится. На западе никому не придет в голову с помощью собаки утверждать или повышать свой имидж. Там собаку держат, потому что любят, потому что с нею дом теплее, уютнее, и ребенок, если рядом четвероногий друг, становится добрее к миру.

Другое дело, в хмурой державе совков. Здесь собак и вообще не больно жалуют, считая, что они объедают народ, а дворовых просто ненавидят, все время слышится призыв к уничтожению бездомных псов (на Западе их забирают в приемник). Но сейчас появилось немало зажиточных, даже богатых людей, считающих престижным иметь собаку, разумеется, породистую. Это почти столь же обязательно, как подержанный «мерседес». За собак редких пород: бультерьеров, мастифов, бассет-догов платят сумасшедшие деньги. Пыжась от гордости, водят их на красивом поводке, не подозревая, что аристократизм пса лишь подчеркивает плебейство хозяина.

При таком отношении к собакам дворняжкам не на что надеяться.

По счастью, не перевелись еще хорошие люди. Вот у нас в поселке артель каменщиков пригрела очаровательную в своей некрасивости, пятнистую, всегда взъерошенную дворняжку, окрестив ее Чумкой. Недавно ранним утром я ехал в Москву, и возле строящегося дома, обочь дороги сидела Чумка, а вокруг нее, переваливаясь, ковыляли четыре молочных щенка в дымчато-палевом пушке. Чумка оглянулась на шум машины и посмотрела на меня с застенчивой гордостью. О, этот глубокий собачий взгляд! Я прочел в нем и счастье матери, и тихую уверенность в будущем: не дадут ее в обиду молодые хозяева и детенышей ее пристроят, а она будет нести свою преданную службу.

Природа споткнулась на человеке, потерпев поражение в попытке создать мыслящую материю. Человек не сумел распорядиться полученным даром, но узнал, что он смертен. Ужасно жить с сознанием своей конечности, отсюда все главные беды человека. Собака одна пытается убедить дрожащую двуногую тварь, что она прекрасна и могуча, что ей и смерть нипочем. И лучше всего в этом преуспевает умная, безмерно снисходительная и всепрощающая дворняжка. Низкий ей поклон!..